

АЛЕКСАНДР ШУМИЛИН

ВАНЬКА-РОТНЫЙ

Издательство АСТ
Москва

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
Глава 1. Отправка на фронт (август 1941 года)	13
Глава 2. Укрепрайон (сентябрь 1941 года).....	30
Глава 3. В окружении (октябрь 1941 года).....	36
Глава 4. Левый берег Волги (октябрь-ноябрь 1941 года).....	45
Глава 5. Переход в наступление (декабрь 1941 года)	70
Глава 6. Город Белый (январь-июль 1942 года)	97
Глава 7. Батуринские леса (ноябрь – декабрь 1942 года).....	121
Глава 8. Передислокация (февраль 1943 года)	127
Глава 9. Комбат Малечкин (март-апрель 1943 года).....	137
Глава 10. Полковая разведка (апрель 1943 года)	147
Глава 11. Дорога на Жижицу (июнь 1943 года)	159
Глава 12. Под Великие Луки (июль 1943 года)	163
Глава 13. Река Царевич (август 1943 года).....	172
Глава 14. Под Духовщиной (август 1943 года)	192
Глава 15. Через Духовщину на Смоленск (сентябрь 1943 года)....	204
Глава 16. Направление на Витебск (сентябрь-октябрь 1943 года)..	213
Глава 17. В обороне после Лиозно (октябрь 1943 года).....	222
Глава 18. Блиндаж на дороге (ноябрь 1943 года).....	230
Глава 19. Эвакогоспиталь (ноябрь-декабрь 1943 года)	234
Глава 20. Возвращение в разведку (январь 1944 года)	242
Глава 21. Деревня Бондари (февраль 1944 года)	257
Глава 22. Нелепая контузия и поездка в Москву (февраль 1944 года).....	276
Глава 23. На КП командира корпуса (март-апрель 1944 года).....	293
Глава 24. Станция Заболотинка (апрель 1944 года)	301

Предисловие

В октябре 1975 года я получил письмо от комсомольцев военно-патриотического отряда «Маресьевец» школы № 42 города Калинин с просьбой назвать фамилии тех, кто захоронен в братской могиле возле платформы станции Чуприяновка. Я написал в письме о боях за станцию Чуприяновка и о том, как погибшие солдаты стали неизвестными. Обстоятельства сложились так, что с тех пор я решил привести в порядок свои воспоминания. Собственно, это письмо и послужило началом работы над книгой – восстановить подробно в памяти всё пережитое. Сейчас, когда мой «финиш» недалеко, хочется успеть как можно больше сделать. Свободного времени мало, я то болею, то работаю, а время бежит быстрее мысли.

В те суровые дни войны вся тяжесть в боях по освобождению земли нашей легла на пехоту, на плечи простых солдат. Получая пополнение в людях, мы вели непрерывные бои, не зная ни сна, ни отдыха. Захлёбываясь кровью и устилая трупами солдат эту прекрасную землю, мы цеплялись за каждый бутор, за каждый куст, за опушки леса, за каждую деревушку, за каждый обгорелый дом и разбитый сарай. Многие тысячи и тысячи наших солдат навечно остались на тех безымянных рубежах.

В декабре 1941 года мы были плохо обеспечены оружием и боеприпасами. Артиллерии и снарядов практически не было. У нас, в стрелковых ротах, были только винтовки и десяток патронов на брата. Время было тяжёлое, враг стоял под Москвой. Вам трудно будет представить, какие это были бои. Немец был вооружен «до зубов», его артиллерия разносила наши позиции, не жалея снарядов...

Очень многие из вас, имея поверхностное представление о том, что такое война, самоуверенно считают, что они в достаточной степени осведомлены. Про

войну они читали в книжках и смотрели в кино. Меня, например, возмущают книжицы «про войну», написанные прифронтовыми «фронтовиками» и «окопниками» штабных и тыловых служб, в литературной обработке журналистов.

А что пишут те, которых возвели до ранга проповедников истины?! Взять хотя бы Константина Симонова с его романами про войну. Сам Симонов войны не видел, смерти в глаза не смотрел. Ездил по прифронтовым дорогам, тёр мягкое сиденье легковой машины. Войну он домысливал и представлял по рассказам других, а войну, чтобы о ней написать, нужно испытать на собственной шкуре! Нельзя писать о том, чего не знаешь. О чём может сказать человек, если он от войны находился за десятки километров?!..

Многие о войне судят по кино. Один мой знакомый, например, утверждал, что когда бой идёт в лесу, то горят деревья.

– Это почему? – спросил я его.

– А разве ты в кино не видел?

По кино о войне судят только дети. Им непонятна боль солдатской души, в кино им подают стрельбу, рукопашную с кувырканиями и пылающие огнём деревья, облитые перед съёмкой бензином.

Художественное произведение, поставленное в кино, или так называемая «хроника событий», дают собирательный образ боёв, сражений и эпизодов, отдаленно напоминающий войну. Должен вас разочаровать, от кино до реальной действительности на войне очень далеко. То, что творилось впереди, во время наступления стрелковых рот, до кино не дошло. Пехота унесла с собой в могилу те страшные дни.

Войну нельзя представить по сводкам Информбюро. Война – это не душещипательное кино про любовь на «фронте». Это не панорамные романы с их романтизацией и лакировкой действительности. Это не сочинения тех прозаиков-«фронтовиков», у которых война –

только второй план, фон, а на переднем, заслоня всё пространство в кружевах литературных оборотов и бах-роме, стоит художественный вымысел. Это не изогнутая стрела, нарисованная красным карандашом и обозначающая на карте направление главного удара дивизии. Это не обведенная кружочком на карте деревня...

Война – это живая человеческая поступь солдата: навстречу врагу, навстречу смерти, навстречу вечности. Это человеческая кровь на снегу, пока она яркая и пока ещё льётся. Это брошенные до весны солдатские трупы. Это шаги во весь рост, с открытыми глазами – навстречу смерти. Это клочья шершавой солдатской шинели со сгустками крови и кишок, висящие на сучках и ветках деревьев. Это розовая пена в дыре около ключицы – у солдата оторвана вся нижняя челюсть и гортань. Это кирзовый сапог, наполненный розовым месивом. Это кровавые брызги в лицо – разорванного снарядом солдата. Это сотни и тысячи других кровавых картин на пути, по которому прошли за нами прифронтовые «фронтовики» и «окопники» батальонных, полковых и дивизионных служб.

Но война – это не только кровавое месиво. Это постоянный голод, когда до солдата в роту доходила вместо пищи подсоленная водица, замешанная на горсти муки, в виде бледной баланды. Это холод на морозе и снегу, в каменных подвалах, когда ото льда и изморози застывает живое вещество в позвонках. Это нечеловеческие условия пребывания в живом состоянии на передовой, под градом осколков и пуль. Это беспардонная матерщина, оскорбления и угрозы со стороны штабных «фронтовиков» и «окопников».

Война – это как раз то, о чём не говорят, потому что не знают. Из стрелковых рот, с передовой, вернулись одиночки. Их никто не знает, и на телепередачи их не приглашают, а если кто-то из них и решается сказать правду о войне, то ему вежливо закрывают рот...

Напрашивается вопрос: кто из оставшихся в живых очевидцев может сказать о людях, воевавших в ротах?

Одно дело – сидеть под накатами, подальше от передовой, другое дело – ходить в атаки и смотреть в упор в глаза немцам. Войну нужно познать нутром, прочувствовать всеми фибрами души. Война – это совсем не то, что написали люди, не воевавшие в ротах!

Тех, кто был во время войны приписан к действующей Красной Армии, я делю на две группы: на фронтовиков и «участников», на тех солдат и офицеров, которые были в ротах, на передовой во время боя, и на тех, кто сидел у них за спиной, в тылу. Война для тех и других была разная, поэтому и говорят, и помнят о ней те и другие по-разному.

Это были нечеловеческие испытания. Кровавые, снежные поля были усеяны телами убитых, кусками разбросанного человеческого мяса, алыми обрывками шинелей, со всех сторон неслись отчаянные крики и стоны солдат... Всё это надо самому пережить, услышать и увидеть, чтобы во всех подробностях представить эти кошмарные картины войны.

Вот и сейчас я пишу и вижу – они передо мной, как живые... Я вижу изнуренные, бледные лица солдат, и каждый из них, умирая, хотел что-то сказать... Сказать тем, кто останется после них жить на этой земле, пропитанной их кровью. Эти мысли и не дают мне покоя.

С какой безысходной тоской о жизни, с каким нечеловеческим страданием и умоляющим взглядом умирали эти люди!.. Они погибали не по неряшливости и не в тишине глубокого тыла, как те сытые и согретые теплом деревенских изб и жителей прифронтовые «фронтовики» и «окопники».

Они – фронтовики и окопники стрелковых рот, перед смертью жестоко мёрзли, леденели и застывали насмерть в снежных полях на ветру. Они шли на смерть с открытыми глазами, зная об этом, ожидая смерть каждую секунду, каждое мгновение, и эти маленькие отрезки времени тянулись, как долгие часы.

Осужденный на смерть по дороге на эшафот, так же как и солдат с винтовкой в руках, идущий на немца, всеми

фибрами своей души ощущает драгоценность уходящей жизни. Ему хочется просто дышать, видеть свет, людей и землю. В такой момент человек очищается от корысти и зависти, от ханжества и лицемерия. Простые, честные, свободные от человеческих пороков солдаты каждый раз приближались к своей последней роковой черте.

Без «Ваньки-ротного» солдаты вперёд не пойдут. Я был «Ванькой-ротным» и шёл вместе с ними. Смерть не щадила никого. Одни умирали мгновенно, другие – в муках истекали кровью. Только некоторым из сотен и тысяч бойцов случай оставил жизнь. В живых остались редкие одиночки, я имею в виду окопников из пехоты. Судьба им даровала жизнь как высшую награду.

С фронта пришли многие, за спиной у нас много было всякого народа, а вот из пехоты, из этих самых стрелковых рот, почти никто не вернулся.

На фронте я был с сентября сорок первого года, много раз ранен. Мне довелось с боями пройти тяжелый и долгий путь по дорогам войны. Со мной рядом гибли сотни и тысячи солдат и младших офицеров. Многие фамилии из памяти исчезли. Я иногда даже не знал фамилии своих солдат, потому что роты в бою хватало на неделю. Списки солдат находились в штабе полка. Они вели учёт и отчитывались по потерям. Они высылали семьям извещения.

У лейтенанта в роте были тяжелые обязанности. Он своей головой отвечал за исход боя. А это, я вам скажу, не просто! Как в кино – сел и смотри. Немец бьёт – головы не поднять, а «Ванька-ротный» – кровь из носа, должен поднять роту и взять деревню, и ни шагу назад – таков боевой приказ.

Вот и теперь у меня перед глазами ярко встали те кошмарные дни войны, когда наши передовые роты вели ожесточенные бои. Всё нахлынуло вдруг. Замелькали солдатские лица, отступающие и бегущие немцы, освобожденные деревни, заснеженные поля и дороги. Я как бы снова почувствовал запах снега, угрюмого леса

и горелых изб. Я снова услышал грохот и нарастающий гул немецкой артиллерии, негромкий говор своих солдат и недалёкий лепет засевших немцев.

Вероятно, многие из вас думают, что война – это интересное представление, романтика, героизм и боевые эпизоды. Но это не так. Никто тогда – ни молодые, ни старые – не хотели умирать. Человек рождается, чтобы жить. И никто из солдат, павших в бою, не думал так быстро погибнуть. Каждый надеялся только на лучшее. Но жизнь пехотинца в бою висит на тоненькой ниточке, которую легко может оборвать немецкая пуля или небольшой осколок. Солдат не успевает совершить ничего героического, а смерть настигает его.

Каждый человек имеет силы сделать что-то большое и значительное. Но для этого нужны условия. Должна сложиться обстановка, чтобы порыв человека заметили. А на войне, в стрелковом бою, где мы были предоставлены сами себе, чаще случалось, что каждый такой порыв заканчивался смертью.

На войне наша земля потеряла миллионы своих лучших сыновей. Разве те, кто в сорок первом с винтовкой в руках и горстью патронов шли на верную смерть, не были героями?! Я думаю, что именно они являются теми единственными и истинными героями. Они спасли нашу землю от нашествия, и их кости остались в земле. Но и по сей день лежат они неизвестными – ни могил, ни имен.

Только за одно то, что перенёс русский солдат, он достоин священной памяти своего народа! Без сна и отдыха, голодные и в страшном напряжении, на лютom морозе и всё время в снегу, под ураганным огнём немцев, передовые роты шли вперёд. Невыносимые муки тяжело раненых, которых подчас некому было выносить, – всё это выпало на долю идущего на врага пехотинца.

Жизнь человеку дается один раз, и это самое ценное и дорогое, что есть у каждого. На войне были многие, но ещё больше – десятки миллионов остались лежать

в мёртвой тишине. Но не все живые и вернувшиеся с войны знают, что означает идти в составе стрелковой роты на верную смерть.

В моей книге «Ванька-ротный» больше человеческого горя и страданий, чем радостных и веселых боевых эпизодов.

Возможно, мне не удалось в полной мере и беспристрастно передать всё пережитое. Но всё это было – в моей жизни, на войне, в действительности и на самом деле. Вы должны понять эту суровую правду!

Окопник сразу и без домысливания понял бы меня. И не только понял, а и добавил от себя, что я слишком мягко рассказал о некоторых штрихах войны и не сказал от всей души крепкое слово о войне.

Почитайте книгу «Ванька-ротный» и подумайте, чем отличается фронтовик от иного «фронтовика» и что такое война!

Шумилин Александр Ильич

3 мая 1983 года

1941 ГОД

Глава 1

Отправка на фронт (август 1941 года)

Воинская часть, куда я был назначен после окончания училища¹, формировалась в летних лагерях на берегу озера Сенеж. Боевое назначение и номер нашей новой части мы в первые дни не знали. Мы знали твёрдо только одно – мы сразу будем отправлены на фронт. Солдаты на сборный пункт к нам прибывали командами из Москвы – проходящими поездами и потом пешком до лагерей. Там их встречали, сортировали и распределяли по ротам.

Обмундирование новобранцы получали на сборных пунктах в Москве, куда они по призывным повесткам приходили со своими матерями, женами и детьми. Предъявив повестки при проходе железных ворот, они прощались с родными и исчезали в дверях казармы. Потом, через некоторое время, они показывались где-то в узком окне, махали руками и смотрели в толпу, стоявшую за железной оградой. Скомплектованные команды выезжали на машинах с другой стороны.

В наших огневых взводах, нужно сказать, простых солдат-стрелков не было. Нас комплектовали специалистами орудийных и пулемётных расчётов. Среди наших солдат были командиры орудий, наводчики, заряжающие, оружейники, телефонисты. Годами все солдаты были не молоды. Средний возраст их составлял сорок

¹Московского Краснознаменного пехотного училища им. Верховного Совета РСФСР, которое также называли «Кремлевским».

лет. Были во взводе два-три молодых паренька, они выполняли обязанности подносчиков снарядов и патронов.

Нашей части присвоили номер, и она стала называться 297-й отдельный пулеметно-артиллерийский батальон УРа¹ Западного фронта. Мы должны были занять огневые бетонные ДОТы² укрепрайона, протянувшегося от Ярцева до Осташкова. Нам этого не говорили, мы это и не должны были знать.

Прошло несколько дней, в роты прибыли офицеры запаса. Появился и наш командир роты, старший лейтенант Архипов. Ему было тогда около тридцати. Архипов был среднего роста, волосы русые, лицо простое, открытое. У него была добрая улыбка. Но улыбался он не всегда, чаще был сосредоточен и занят делами роты. Он был кадровый офицер и прибыл в наш батальон из другой воинской части. Движения и речь у него были спокойными, команды и приказы он отдавал негромко, без крика. Он вроде не приказывал, а как будто просил. Сначала это было непривычно. На нас прежде орали и от нас требовали подавать команды зычным голосом, а тут был простой деловой разговор. Вскоре мы перестали суетиться, вертеться на каблуках и козырять навывтяжку. Его исключительное спокойствие и в первую очередь рассудительность передались нам, и было неудобно подходить к нему чеканным шагом, шаркать ногами и стучать каблуками, как этого требовали от нас в училище.

Вся фигура Архипова и его внимательный взгляд говорили о том, что на войне нужна голова, а не строевая выправка. Дисциплина не в лихости и не в ухарстве, а в простых русских словах. Вот что теперь должно было войти в нашу жизнь. На войне не нужно будет козырять, и бить каблуками. На войне нужна стойкость и выдержка, терпение и спокойствие, точное выполнение при-

¹ УР – укрепрайон (укрепленный район).

² ДОТ – долговременная огневая точка.

каза и команды. На войне солдат должен понимать тебя с полуслова.

В один прекрасный день нам привезли и выдали каски. Командир роты вызвал нас к себе и сказал:

– Приучите солдат носить каски! И не на заднице на поясном ремне, а на голове, как положено бойцу по уставу. Вижу, ходят они и бросают их где попало.

Солдаты были сугубо гражданские лица. За обедом и в курилке у них рука тянулась под скулы – было всё время желание ослабить ремешок.

– Вот когда с котелком они будут управляться, не снимая каски, – считайте, что вы их уже приучили!

Содня на день ожидалась отправка на фронт. На учебных площадках училища мы обучали солдат штыковому бою – колоть штыками и работать прикладами.

– Нам это не нужно, товарищ лейтенант! Мы будем, как финны, в ДОТах сидеть.

Я им не возражал, но всё же сказал:

– Без физических упражнений немыслима одиночная подготовка бойца. Без тренировки физических данных солдат – не солдат!

– Ну, если как учебные, то давай, командуй нами, лейтенант!

Уже с первых шагов они решили опробовать и прощупать меня. Они хотели узнать, насколько я упорный и придирчивый или покладистый и уступчивый. Солдат всегда норовит всё знать наперёд. Я не обрывал их окриками и спокойно требовал выполнения команд. Они нехотя подчинялись, но каждый раз старались отлынивать, шла проба сил. В конце концов, я им сказал:

– Вы призваны в действующую армию и обязаны выполнять то, что от вас требуют. Кто будет сопротивляться тихой сапой, я вынужден буду на тех подать рапорт для отчисления в пехоту! – Последние мои слова действовали на них исключительно проникновенно.
